

**Сергей Маловичко
Марина Румянцева**

**РЕГИОНАЛЬНАЯ
И ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ:
КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ***

Редакционная коллегия Черноморского исторического журнала «Былые годы», в связи с возросшим интересом и увеличившимся количеством региональных исследований, поместила материалы экспресс-опроса, посвященного развитию и достижениям современной регионалистики. Вопросы нацелены на прояснение значимости и необходимости региональных исследований в формирующемся новом пространстве исторического знания. Вниманию читателей предлагаются результаты опроса ведущих специалистов в области региональной истории **Румянцевой Марины Федоровны** — кандидата исторических наук, доцента, заведующей кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института ГОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва) и **Маловичко Сергея Ивановича** — доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории Российского государственного аграрного университета — МСХА им. К. А. Тимирязева (Москва).

1. Какой «частью» региональной истории Вы занимаетесь? Что предопределило Ваш профессиональный выбор?

Марина Румянцева

Теорией региональной истории, проблемой соотношения новой локальной истории как проблемного поля актуального научного исторического знания и краеведения как формы массового сознания. Интерес сформировался в рамках общей проблемы истории как строгой науки, соотношения социальных функций разных форм историописания.

Сергей Маловичко

Региональной историей я не занимаюсь, но вместе с М. Ф. Румянцевой и Т. А. Булыгиной начинал разрабатывать теоретическую основу направления «новая локальная история». Для меня пред-

* З матеріалів експрес-опитування «Региональная история глазами ее создателей» редколлегии «Черноморського історичного журналу «Былые годы». — 2010. — № 3(17).

ставляет интерес историография локальной истории, в т. ч. история краеведения, которое мы пробуем рассматривать в проблемном поле интеллектуальной истории. Мне интересны и некоторые другие исследовательские поля нашего направления: городская и сельская истории, история пограничных областей и др.

Теперь о том, что предопределило мой профессиональный интерес. Идея разработки направления «новая локальная история» возникла летом 2002 г. в общих беседах с Т. А. Бульгиной в Ставрополе. Нам тогда хотелось обратить внимание на социокультурную историю Ставрополья и Северного Кавказа, хотелось заняться местной проблематикой, но при этом выйти за рамки исторического краеведения, преодолеть его. Пока еще «сырую» идею (без названия направления) я обсудил с М. Ф. Румянцевой и ныне покойным В. А. Муравьевым на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ. Вот здесь все и началось. Я даже точно не скажу, кому первому пришла в голову идея с названием, но оно повторяет существующее в новейшей британской историографии направление. Будет правильнее сказать, повторяет своим названием и социокультурной ориентацией исследовательских практик, но не более того. Теоретическую основу мы разрабатывали сами. Мне уже приходилось писать о том, что британская новая локальная история вышла из социальной истории, критически пересмотрев ее традиционные постулаты. Кроме того, и современная интеллектуальная история выросла из критического анализа социальной истории. В нашем случае ирония заключается в том, что мы приступили к конструированию теоретической базы новой локальной истории, твердо опершись на интеллектуальную историю. Можно сказать, что мы идем с британскими коллегами близкими, но не пересекающимися курсами.

Уже в том же 2002 г. мы разработали проект программы исследований, создали научно-образовательный центр и сайт «Новая локальная история» и т. д.

2. Что представляет собою, на Ваш взгляд, современная региональная история: самостоятельное исследовательское направление или же иллюстративный материал для более серьезных исследований?

Марина Румянцева

Фактически ответ на этот вопрос дан выше. В актуальной социокультурной и теоретико-познавательной ситуации параллельно существуют близкая массовому сознанию нарративистская парадигма и парадигма когнитивной истории как строгой науки (подробнее см.: Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.). Четкое разграничение этих парадигм и

выявление социальных функций каждой из них, на мой взгляд, — насущная задача теории исторического знания. В сфере исторической регионалистики этому процессу соответствует размежевание новой локальной истории и краеведения.

Новая локальная история — научное направление, (1) входящее в систему проблемных полей актуального исторического знания, (2) в наибольшей степени, наряду с интеллектуальной историей, соответствующее потребностям современного социума.

Третью часть вопроса считаю некорректной. Как минимум полвека, по крайней мере, с выхода книги Т. Куна «Структура научных революций» (1962), ясно, что знание не развивается кумулятивно. Современная философия науки не предполагает возможности накопления «иллюстративного материала для более серьезных исследований», да и здравый смысл подсказывает, что иллюстрировать можно только что-то уже существующее.

Сергей Маловичко

Региональная история представляет собой самостоятельное направление, но, как в российской, так и западноевропейской исследовательских практиках границы и объект исследования четко не определены. Некоторые исследователи даже иногда не проводят различие между совершенно разными областями знания — историческим краеведением и региональной историей. Мне с М. П. Мохначевой как-то приходилось об этом писать (см.: Маловичко С., Мохначева М. Тенденции и перспективы интеграции региональных исторических исследований // Региональна історія України. Збірник наукових статей. Вип. 1. К.: Інститут історії України НАН України, 2007. С. 29–46). На мой взгляд, добротную теоретическую основу под «новую регионалистику» и «региональную историю» сегодня подводят наши украинские коллеги, в частности Я. В. Верменич. Может, в данном случае я покажусь субъективным, но Я. В. Верменич выбрала интересный по своей новизне путь развития региональной истории в Украине, сменив традиционную социально-политическую составляющую этого направления на социокультурную и показав в такой практике большую близость с нашей новой локальной историей (см.: Верменич Я. Нова локальна історія та історична регіоналістика: експлікація термінів // Региональна історія України. Вип. 1. С. 13–19).

Региональная история как иллюстративный материал? Никакая история не дает иллюстративный материал, конечно, кроме картинок к популярным или учебным историческим текстам. Я согласен со словами Марины Федоровны, но хочу добавить, что метафора «история как иллюстративный материал» соответствует массовому сознанию, но не научному. Однако большое распространение она имела (вероятно, имеет и сейчас) в краеведении.

Основоположники этого общественного движения И. М. Гревс и С. И. Архангельский еще в 20-х гг. XX в. вполне по-позитивистски отвели краеведению вспомогательную роль по отношению к национально-государственной истории, роль — сбора материала. Эта модель взаимоотношения местной истории и истории государственной популяризировалась даже Д. С. Лихачевым (см.: Гревс И. История в краеведении // Отечество: Краеведческий альманах. Вып. 2. М., 1991. С. 6, 9, 14; Архангельский С. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. Т. 4. № 4. С. 193, 194; Лихачев Д.С. Краеведение как наука и как деятельность // Историческое краеведение в СССР: Вопросы теории и практики: сб. науч. статей. К.: АН Украины, 1991. С. 3, 4).

3. Видите ли Вы различие между краеведением и регионалистикой?

Марина Румянцева

Предпочитаю соотносить краеведение с новой локальной историей. Что касается регионалистики, то требуется дополнительное прояснение терминологии. Практика показывает, что термин «регионалистика» представители краеведения часто используют как синоним именно краеведения. Но и здесь возникают иногда казусы. Например, название кафедры — кафедра региональной истории и краеведения, на мой взгляд, предполагает четкое разграничение этих понятий; на самом же деле этого не происходит. С точки зрения русского языка, в этом случае было бы более уместно название: региональной истории, или краеведения (именно с наличием запятой — не буду вдаваться здесь в тонкости синтаксиса).

Для новой локальной истории такое смешение понятий не свойственно в силу наличия в этом направлении нормальной методологической рефлексии. Для меня регионалистика — это особое научное направление, связанное, в первую очередь, с полидисциплинарным изучением регионов и не входящее в систему собственно исторического знания.

Сергей Маловичко

Понятие «регионалистика» пришло в историческую науку из экономического дискурса и по отношению к историческому исследованию я бы его не употреблял. Но, как говорится, дело вкуса... Если же вести разговор об исторической регионалистике, то разница с краеведением большая, но сразу возникает другой вопрос: «историческая регионалистика» и «региональная история», это одно и то же?

Так как я занимаюсь новой локальной историей, то мне удобнее сравнить это направление с краеведением. Краеведение или местную историю не все признают научным направлением. Однако

следует понимать, что разговор о «научности» новой локальной истории и «(не)научности» краеведения должен учитывать тот факт, что речь идет не столько о разных исследовательских областях дисциплинарной историографии, сколько о разных практиках исторического сознания. Отношения традиционного краеведения с наукой более сложные, чем нам иногда кажется. В данном случае, «не научная» или «не совсем научная» практика традиционного краеведения не может оцениваться профессиональным историком как «плохая». Она просто *другая*, чем и представляет определенную культурную ценность. Однако нужно понять, что эта ценность больше принадлежит *массовому сознанию*, нежели исторической науке. Я бы еще прибавил то, что краеведение и научная история (к которой относится новая локальная история), это две разные историографические культуры с неодинаковым целеполаганием. Одна из них (краеведение) представлена социально ориентированным историописанием, другая — научно ориентированным. И, самое важное, что разные цели, заложенные в основание практики выполнения исследовательской операции, делают дискуссию между двумя историографическими культурами практически невозможной.

4. Повлияла ли ситуация методологического плюрализма на региональные историописания? Если да, то в чем это влияние, на Ваш взгляд, проявилось?

Марина Румянцева

При ответе на этот вопрос есть смысл говорить только о новой локальной истории как научном направлении. Несомненно, полиметодологизм заставляет усилить методологическую рефлексивность, более четко эксплицировать методологические основания данного направления, как и любых других направлений собственно научного исторического знания.

Сергей Маловичко

Данный вопрос заставляет вспомнить некоторые комические ситуации, когда наши исследования в проблемных полях новой локальной истории (совершенно без какого-либо повода с нашей стороны) сопровождалось комментариями коллег о том, что новая локальная история придумана для того, чтобы, если уж не погубить краеведение совсем, то, по крайней мере, сделать жизнь краеведов невыносимой. Плюрализм, конечно, нужен. Нам неоднократно приходилось повторять, что новая локальная история не угрожает традиционному местному или региональному исследованию, а предлагает возможности осмысления и применения новых проектов и нового исследовательского инструментария.

Современная ситуация прекрасно подтверждает, что исследователи не могут двигаться к единственно возможной «научной» практике изучения местной истории. Историческое краеведение, локальная, региональная и новая локальная истории и впредь будут представлять гетероглосию. Разумеется, происходящее имеет свои последствия. Понятийное непонимание между направлениями и инструментальное разнообразие не способствует снятию противоречий. Противоречия усиливаются межсубъективными отношениями исследователей и порождают риторику, при помощи которой разные дискурсы пробуют отстаивать «правильность» своего пути в науке. Не следует надеяться, что фрагментация местного и регионального исследовательского поля уйдет в прошлое. Фрагментация сегодня присуща как всей дисциплинарной историографии, так и многим сторонам человеческой деятельности. В науке этого бояться не следует, т. к. багаж местной и региональной историографии будет только пополняться, будут совершенствоваться исследовательские методы и профессиональные стандарты.

5. Необходимо ли региональной истории какое-то особое методологическое обоснование? Если да, то зачем?

Марина Румянцева

Ответ на этот вопрос фактически дан. Новая локальная история обладает тем же методологическим статусом, что и любое другое проблемное поле актуального исторического знания. Особенность методологического обоснования здесь может быть обусловлена, на мой взгляд, тем, что новая локальная история наиболее тесным образом соприкасается с такой формой массового сознания, как краеведение.

Сергей Маловичко

Конечно, нужно. Если говорить о «методологическом обосновании» (мне кажется, что речь идет все-таки о теоретической основе; рефлексия о методологическом инструментарии решается в конкретной исследовательской практике) региональной истории, то я бы посоветовал работы Я. В. Верменич. Теоретическую основу новой локальной истории можно представить таким образом:

В теоретическую основу новой локальной истории заложен принцип широкого контекстуализма. Историографическая практика направления покоится на рефлексии о способности видеть целое прежде составляющих его локальных частей, воспринимать и понимать контекстность, глобальное и локальное, отношения исторических макро- и микроуровней. Новая локальная история находится в исследовательской области новой социально-культурной истории. Историко-культурный подход помогает переносить акцент

с анализа процессов на анализ структур, с линейного исторического метанарратива на локальные социокультурные пространства и их включенность в пространство глобальное, в глокальную перспективу.

Новая геополитическая и социокультурная ситуация заставляет осмыслить мир в единстве его многообразия на основе компаративных подходов и делает необходимым поиск нового — «глокального» субъекта исторического действия. Новая локальная история отказывается от традиционных территориальных/административных образцов и сосредоточивает внимание на «пространстве» и «пространственных образах», проявляет интерес к «образу жизни», «культурному значению» и т. д.

Предмет новой локальной истории — субъект исторического действия, не тождественный государству, и его существованию как в историческом (собственно историческое знание), так и в коэкзистенциальном (социокультурная или социолого-культурологическая составляющая) пространстве. Отсюда следует, что государство, нация, локальная общность рассматриваются не как территориально-генетические «закономерности», а как изобретения и/или конструкции, в истории которых важно выявлять поддерживавшие их культурные факторы, связь социального и культурного пространства, пейзажа и идентичности.

Конституирование новой локальной истории идёт не от объекта исследования (локуса), её организация основывается на методологических процедурах. Новая локальная история — это «способ видеть» локальные и региональные объекты не в традиционных границах, а наблюдать связи поперек административных, политических и культурных границ. В отличие от традиционного подхода к изучению местной истории, новая локальная история сама определяет объект своего изучения, он не задан ей заранее территориальными рамками.

6. *Насколько допустим «плюрализм» и возможна «толерантность» в региональных исторических исследованиях?*

Марина Румянцева

Не совсем понятно, что подразумевается под «плюрализмом» и «толерантностью», да еще и заключенными в кавычки. Про полиметодологизм речь шла выше. Воспитание толерантности (без всяких кавычек) — одна из социальных функций исторического знания, которая должна быть востребована в современном мире в целях его самосохранения.

Сергей Маловичко

Я согласен с ответом Марины Федоровны на этот вопрос. Однако думаю, что у меня есть, что предложить по вопросу о толерантности.

Современная социокультурная ситуация заставляет историков рефлексировать об этой проблеме. Начать я хочу с банального, с того, что многие историки уже сами прекрасно видят. Резкий спад интереса к национально-государственной истории связан в т. ч. с пониманием конфликтности такой истории. Пока еще ни одна национальная историография не предложила совершенно бесконфликтную для соседей национальную историю. Традиционное краеведение представляет из себя антикварную модель исследования (см.: Маловичко С. И. Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 7. Ставрополь, 2005. С. 5–31). В такой модели объект изучения изолируется от других, что способствует распространению ксенофобии. Поэтому важна иная модель изучения. Еще в начале институционализации направления «новая локальная история» М. Ф. Румянцева писала, что новая локальная история представляет собой *экстравертный тип знания*, который обеспечивает воспитание столь необходимой толерантности за счёт понимания и принятия другого как другого (см.: Румянцева М. Ф. От формационных и цивилизационных теорий к новой локальной истории, или к вопросу о «гештальтах» исторического разума // Запад — Россия — Кавказ: межвузовский научно-теоретический альманах. Вып. 2. Ставрополь; Москва, 2003. С. 399). Что здесь имеется в виду? Исследования в проблемных полях новой локальной истории учитывают формулу «локус как общность, основанная на различии», поэтому они открываются не только своей мультисоциальной, но и мультикультурной сторонами. Тем самым новая локальная история бросает вызов национализму и местной ксенофобии, дает возможность находить иные темы в пределах больших социальных и культурных структур.

7. Знаете ли Вы о существовании и деятельности научно-образовательного центра «Новая локальная история»? Насколько актуален и применим в исторических исследованиях регионов познавательный ракурс, предложенный представителями данного направления: история региона как история социокультурных сообществ?

Марина Румянцева

Не только знаю, но и участвую в его работе с момента основания, поэтому не имею моральной возможности ответить на вторую часть вопроса.

Сергей Маловичко

Я также не берусь оценивать работу нашего направления.

8. *Находит ли применение в Ваших исследованиях тематика, предложенная в рамках «новой локальной истории»: «опыт совместного проживания» горожан и сельчан, этносов и конфессий; «культурный обмен» и контакты «пограничных» регионов, этносов; культурная идентичность в мультикультурном пространстве?*

Марина Румянцева

Поскольку занимаюсь преимущественно теорией исторического знания, то могу оценить указанную тематику с этой точки зрения. На мой взгляд, она соответствует современному уровню исторического познания, позволяет ставить актуальные исследовательские проблемы, в т. ч. и значимые для воспитания толерантности. Приведенные понятия обладают достаточной степенью научной точности, что позволяет использовать их в качестве терминов, обеспечивающих научную коммуникацию.

Сергей Маловичко

Я думаю, что ответом на данный вопрос являются наши интернет-конференции и диссертационные исследования молодых ученых.

9. *Какие традиционные и новационные (теоретические и эмпирические) методы Вам помогают глубже и интереснее изучать региональный исторический материал?*

Марина Румянцева

Являясь представителем Научно-педагогической школы источниковедения Историко-архивного института, осознанно практикую феноменологический источниковедческий метод исторического познания, который востребован и новой локальной историей, наряду с другими проблемными полями актуального исторического знания.

Сергей Маловичко

Об этом я уже говорил при ответе на пятый вопрос.

10. *Что для Вас значит история «малой Родины»? Насколько актуальным является сейчас «воспитание историей»?*

Марина Румянцева

Предпочитаю не использовать в научных работах явно публицистический дискурс. Для решения проблемы чрезвычайно важно ее корректно сформулировать. Так называемое «воспитание историей» — это фактически реализация базовой инвариантной социальной функции исторического знания — формирования социальной памяти. При такой постановке проблемы мы — научное сообщество — должны подумать, к чему мы стремимся: формировать

социальную память в рамках весьма локальных социумов («малая родина»), тем самым способствуя дальнейшей регионализации страны, или приоритетная задача — выстраивать историческую память в общенациональном/общегосударственном пространстве. Вопрос этот отнюдь не риторический, поскольку культурная и, по-видимому, социальная регионализация — одна их характерных черт современной социокультурной ситуации, ситуации постпостмодерна.

Сергей Маловичко

На первый вопрос хорошо ответила моя коллега, и я не берусь что-либо добавить.

На вопрос: насколько актуальным является сейчас «воспитание историей», у меня напрашивается уточнение: кто «воспитатель»? Если имеется в виду профессиональная историография и историк — вузовский преподаватель, то я боюсь, что скажу не вполне привычное: «воспитание историей» *уже* не является актуальным, причем ключевым здесь выступает слово «уже».

Недавно мы с Мариной Федоровной писали, что в настоящее время смены парадигм уже можно со всей определенностью утверждать, что кризис постмодерна, его трансформация в новую социокультурную ситуацию, именуемую постпостмодерном, привели, в первую очередь, к трансформации функций исторического знания, что в значительной мере сказалось на занятиях историей. Ситуация пост-постмодерна характеризуется, во-первых, поиском новых путей интеграции социума, в т. ч. и на основе общей истории (правда, выступающей уже по преимуществу не как метанарратив, а как «места памяти»), и, во-вторых, уже *не просто расхождением, а непреодолимым разрывом между профессиональным знанием и массовым сознанием* (см.: Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Образовательные практики высшей школы: еще раз о краеведении и новой локальной истории // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия: материалы Всероссийской научной конференции. М., 2009. С. 206–207).

Современная социокультурная ситуация предоставила нам возможность для понимания того, что историки уже утратили былую монополию на объяснение прошлого, формы познания истории изменились, расширился состав субъектов исторического образования, ими выступают не только привычные учителя, профессура и учебники, но и кинематограф, телевидение, книги на исторические темы, отвечающие любым вкусам публики и т. д. Сегодня большими воспитательными функциями располагает не просветительское начало с его рационализаторским дискурсом, а социально ориентированное историописание и телепередачи с виртуальными событиями. Функции рационализации массового сознания, кроме

того, затруднены манипуляциями сознанием со стороны современной российской власти. Наблюдается глубокая дерационализация мышления у молодежи. Историки, в т. ч. те, которые идентифицируют себя с проблемными полями региональной или новой локальной истории, не должны бороться с социально ориентированными «ложными» образами прошлого, а обязаны понять их. Мы прекрасно видим, что обозначенная историками всего четверть века назад проблема «памяти» поставила под сомнение историографию, которая предпочитала изучение постоянных структур прошлого, но пренебрегала изучением современников — носителей того или иного знания о прошлом. Нам надо находить новые формы работы с массовым сознанием. Следует подумать об изменении стратегии исторического образования. Если оно будет представлено в его традиционной модели, не учитывающей современной специфики, которая требует понимания обществом не просто истории как повествования, а *знание инструментов, способствующих ее конструированию*, то не исключено, что в массовом сознании вообще исчезнет и без того уже тонкая грань между трудом профессионального историка и историописанием публициста, режиссера, политика.

11. Есть ли необходимость в приумножении региональных исследований? Не превращается ли история в набор мало что проясняющих занимательных рассказов?

Марина Румянцева

Ввиду вышесказанного необходимо разделить ответ на две части.

Необходимость исследований в проблемном поле новой локальной истории, на мой взгляд, вполне осознается/начинает осознаваться научным сообществом. Приведу только один пример. Еще лет десять-пятнадцать тому назад весьма часто встречались темы квалификационных работ (кандидатских и докторских диссертаций), выстроенные по схеме: реформа такая-то на примере такого-то региона, положение крестьян на примере такого-то региона и т. п. Сейчас мы все чаще имеем дело с темами такого рода: «Городовая реформа Екатерины II в Тверской губернии» (тема докторской диссертации), «Чиновничество Верхневолжских губерний в первой четверти XIX в.» и т. д. И никто не обвиняет авторов в «мелкотемье».

Что касается «занимательных рассказов» краеведов, то считаю, что они выполняют чрезвычайно важную социальную функцию — обеспечивают локальную идентичность, притом в тех условиях, когда профессиональные историки явно не справляются в должной мере с этой задачей.

Краеведы часто обижаются, когда приходится говорить о том, что краеведение не наука, а иная форма общественного сознания. Причина таких обид легко объяснима хотя бы с точки зрения

философии познания постпозитивизма. Напомню, что уже полвека тому назад постпозитивисты доказали, что наука — одна из форм общественного сознания, существующая не над, а наряду с другими, и ее особый авторитет в обществе нового времени обусловлен во многом санкцией государства. Иные формы общественного сознания в современной ситуации постпостмодерна явно востребованы социумом, и даже в большей мере, чем научное знание.

Сергей Маловичко

Механического приумножения исследований не бывает. Тут можно вспомнить нашу профессиональную банальность: каждое новое поколение историков заново переписывает историю. Исследование историка обусловлено временем и актуальной социокультурной ситуацией. Даже если мы договоримся больше не писать по истории того или иного региона, писать все равно будут, только не мы. Я полагаю, что присутствие таких новых проблемных областей, как локальная история, новая локальная история, региональная история, городская история, сельская история и т. д., только обогащает наши знания о том или ином объекте исследования. Все больший отклик среди исследователей находит практика компаративного исследования, среди городских историков получает популярность стратегия новой культурной истории («город как текст») и т. д. Сельской истории в проблемном поле новой локальной истории, позволяющей смотреть на сельское социокультурное пространство иначе, нежели это могли сделать аграрная и крестьянская истории, в этом году исполнилось всего четыре года...